

В конечном счёте Се Юньгуй нашёл подходящее для жизни место, хотя и не самое удобное — высоко на склоне горного утёса притаилась пещера, идеально подходящая для жилья.

Чтобы добраться туда, ему пришлось приложить немало усилий: пещера располагалась на высоте восьми-девятиэтажного дома. Однако неоспоримым преимуществом было то, что вход в неё оказался скрыт от посторонних глаз, а перед ним располагалась небольшая площадка площадью около двадцати-тридцати квадратных метров, которую можно было превратить в настоящий дворик. По краю этой площадки росли несколько огромных сосен — Се Юньгуй даже представить не мог, как на такой отвесной скале могли укорениться такие исполины.

Войдя в пещеру, он сразу понял, почему здесь когда-то обустроили двор. Внутри валялись обрывки прогнивших звериных шкур, разбитые каменные чаши и остатки истлевших деревянных кадок. Каменная посуда уже покрылась мхом — очевидно, это место было заброшено давным-давно. Возможно, здесь когда-то жил зверолод, самка или даже странник.

Но теперь это было его жилище!

Се Юньгуй принялся за уборку. Пещера оказалась не такой уж большой — около пятидесяти-шестидесяти квадратных метров. Для него, человека из современного мира, это было вполне прилично, но для местных звероловцев, чьи звериные формы в десятки раз превосходили размерами земных животных, такое пространство показалось бы тесным. Взять хотя бы лис: на Земле они совсем небольшие, а здесь лисолюды достигали размеров яка. За время своих скитаний он видел немало местных животных — горных козлов, буйволов и других зверей, и все они были гигантскими копиями своих земных сородичей. Этот мир поражал своими масштабами.

Однако сами звероловцы внешне почти не отличались от людей, за исключением того, что самки могли частично принимать звериный облик. Например, у их лисьего племени после частичной трансформации появлялись лишь пушистые белые уши и когти. И если уши, придающие лицу некоторую женственность, убрать было нельзя, то когти с пальцами менялись по желанию. Впрочем, это было свойственно всем — и самкам, и мужчинам. Такая особенность помогала им в разделке добычи, ведь эти когти были острыми, как лезвия. Се Юньгуй не находил в своей внешности ничего отталкивающего — напротив, он считал эти ушки довольно милыми.

Осмотревшись, он нашёл в расщелине скалы рядом с пещерой источник воды. Вероятно, ручей стекал с самой вершины, где росло много деревьев. Струйка была тонкой, не толще палочки для еды, и стекала в небольшое углубление в камне размером с таз, которое было забито сухими листьями. Очистив каменную чашу, Се Юньгуй стал ждать, пока она наполнится.

Последние дни он провёл в бегах и был совершенно измотан, но не осмеливался остановиться. Достав припасённые в пути дикie ягоды, он сделал пару глотков и отложил их: от долгого отсутствия нормальной пищи желудок начал протестовать, и ягоды вызывали лишь приступы тоски и изжоги. Он понимал, что так продолжаться не может — организм просто не выдержит.

Отдохнув, он спустился со скалы и направился на юг, где вскоре увидел реку. Подойдя к воде, он умылся и замер, глядя на своё отражение. В этот момент до него наконец дошло, почему прежний хозяин этого тела был всеобщим изгоем.

У этого парня была внешность, способная потрясти небеса и заставить рыдать демонов. Се Юньгуй в прошлой жизни повидал немало красавцев, но это лицо обладало какой-то невероятной, почти неземной силой. Сияющие глаза, белоснежные зубы, алые губы — красота, выходящая за рамки пола и обезоруживающая своей яркостью.

Он недоверчиво коснулся своего лица. В памяти всплыло воспоминание: когда прежний хозяин впервые отмыл лицо от грязи, первой его увидела самка по имени Ахуа. Она тогда застыла в изумлении, закричала зубами, задрожала от ярости, а потом потащила его к воде и заставила снова перемазаться грязью. Она твердила, что такую внешность нельзя показывать другим, иначе его отправят к богу зверей. Тогда бедняга ничего не понял, но теперь всё встало на свои места.

С таким лицом — разве можно не стать объектом чужой зависти? Что до Ахуа, то, движимая ли она была защитой или чёрной завистью, она явно не хотела, чтобы он показал своё истинное лицо. Она боялась, что он затмит её, ведь Ахуа считалась первой красавицей племени. Именно она распускала слухи, настраивала других против него и поощряла травлю. Если бы прежний хозяин не был таким мягкотелым, то с такой внешностью он никогда бы не знал нужды в еде или крове.

Се Юньгуй долго не мог прийти в себя, глядя на своё отражение. Наконец, успокоившись, он вошёл в реку, чтобы искупаться. В воде он заметил множество рыб, которые совершенно не боялись человека и даже подплывали к нему. Вспыхнув от азарта, он ловко схватил одну за жабры и вытащил на берег. Это был обычный амур весом килограмма на три.

Очистив рыбу, он собрал сухие ветки и принялся добывать огонь. Это оказалось не так просто, как в кино: пришлось долго тереть палки друг о друга, пока от трения ладони не начало жечь, и наконец в нос ударил долгожданный запах дыма.

Вскоре над костром жарилась рыба. Это была первая горячая еда с момента его попадания в этот мир. Пусть в ней не было ни специй, а мясо отдавало тиной, он был готов расплакаться от удовольствия. Выжить — это действительно нелегкое дело.

Почти всю рыбу он съел в один присест. После ужина он набрал охапку сухой травы и, взвалив её на плечи, отправился обратно к пещере. Подъём по узкой каменной лестнице, заросшей цепкими лианами, был непростым, но, держась за растения, он благополучно добрался до своего убежища.

Разложив траву на полу пещеры, Се Юньгуй впервые за долгое время приготовился ко сну, зная, что этой ночью он будет в безопасности.